

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-5-15

EDN: WPCKKY

БИТВА ТИТАНОВ: СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНК

© 2025 г. М.А. Юревич, А.А. Федюнина, Ю.В. Симачев

*ЮРЕВИЧ Максим Андреевич, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0003-2986-4825, mayurevich@fa.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23;
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

*ФЕДЮНИНА Анна Андреевна, кандидат экономических наук,
ORCID 0000-0002-2405-8106, afedyunina@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

*СИМАЧЕВ Юрий Вячеславович, кандидат технических наук, профессор,
ORCID 0000-0003-3015-3668, yusimachev@hse.ru
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 27.05.2024. После доработки 06.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Происходящие в мировой экономике структурные сдвиги меняют характер и способ международной экспансии многонациональных компаний (МНК), их роль в глобальном производстве. Однако исследования их поведения обычно опираются на данные о потоках прямых иностранных инвестиций, которые не дают полной картины участия МНК в экономике принимающих стран. Мы используем базу данных *AAMNE OECD* и показываем, что применение статистики о выпуске МНК позволяет глубже понять структурные сдвиги в их производственной деятельности. Согласно сделанным оценкам, ненаращивание офшоринга (в частности, китайскими МНК) вовсе не означает ограниченного присутствия на зарубежных рынках, а расширение выпуска за пределами материнских стран (например, МНК Германии, Франции, США) не всегда приводит к распространению глобальных цепочек создания стоимости в отраслях обрабатывающей промышленности. Полученные результаты указывают на целесообразность использования данных об участии МНК в выпуске домашних и принимающих экономик для анализа происходящих структурных сдвигов и оценки эффективности инструментов промышленной политики.

Ключевые слова: МНК, офшоринг, рещоринг, глобальные цепочки создания стоимости.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10110 “Российские компании в глобальных цепочках создания стоимости до и после пандемии *COVID-19*: эффекты инноваций и трансформации бизнес-моделей”.

BATTLE OF TITANS: STRUCTURAL SHIFTS IN MNCS GLOBAL PRODUCTION

*Maksim A. YUREVICH,
ORCID 0000-0003-2986-4825, mayurevich@fa.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

*Anna A. FEDYUNINA,
ORCID 0000-0002-2405-8106, afedyunina@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

*Yuriy V. SIMACHEV,
ORCID 0000-0003-3015-3668, yusimachev@hse.ru
National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Received 27.05.2024. Revised 06.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation, Project no. 22-78-10110 “Russian companies in global value chains before and after the COVID-19 pandemic: the effects of innovation and transformation of business models”.

Abstract. Structural shifts occurring in the global economy are changing the nature and mode of international expansion for multinational corporations (MNCs) and their participation in global production. However, scholars and researchers still have few tools to analyze such shifts, and studies of MNC behavior are often limited by data on foreign direct investment flows, which often do not reflect MNC participation in host countries. We use data from the AAMNE OECD database and demonstrate that using statistics on MNC output allows for a deeper understanding of the structural shifts in MNC participation in global production. The results confirm existing observations that the use of data on FDI flows is insufficient to provide a comprehensive assessment of MNCs’ participation in modern global production. The application of MNC output data also provides another perspective on the spread of global value chains and confirms the standard observation that the most active formation of global chains in the last two decades has been in the automotive and computer and electronics industries. The estimates obtained show that the absence of offshoring growth in the case of Chinese MNCs does not necessarily imply limited participation in foreign markets. Moreover, the expansion of offshoring production in developed countries (such as Germany, France, the United States) does not always lead to the spread of global value chains in manufacturing industries. In future research, it would be important to use data on MNC participation in the output of both home and host economies to analyze ongoing structural shifts and assess the effectiveness of industrial policy instruments.

Keywords: MNCs, offshoring, reshoring, global value chains.

About authors:

Maksim A. YUREVICH, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher.

Anna A. FEDYUNINA, Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director of the Centre for Industrial Policy Studies.

Yuriy V. SIMACHEV, Cand. Sci. (Tech.), Professor, Director for Economic Policy, Director of the Centre for Industrial Policy Studies.

ВВЕДЕНИЕ

После продолжительного периода высоких темпов мирового роста международной торговли и прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в последние несколько лет наблюдается существенное замедление динамики этих процессов [1]. Эксперты отмечают признаки деглобализации и разрыва экономических связей (*de-coupling*) [2], тенденции к которым поддерживаются усилением политики протекционизма и следования национальным интересам [3]. При этом констатируется, что сегодня мировая экономика является в высокой степени связанной, отражая так называемую сцепленную (*chained*) глобализацию, и ожидается, что государства и дальше будут связаны друг с другом, однако это будет происходить на фоне возрастающей конкуренции [4]. Повышение роли структурной промышленной политики (*industrial policy*) и протекционизма не ослабит экономической взаимосвязи между странами, однако приведет к изменению ее характера, реконфигурации глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) [5, 6], перераспределению экономических сил и миграции центров накопления капитала [7].

Смещение полюсов роста мировой экономики обычно связывают с замедлением роста технологического потенциала США, Японии, некоторых европейских стран и укреплением экономического потенциала развивающихся стран во главе с Китаем [8]. Однако после ми-

рового экономического кризиса 2008–2009 гг. глобализация начала замедляться [ист. 1], а некоторые процессы интеграции и вовсе разворачиваться вспять [9, 10]. Замедлению глобализации в последние годы способствовали вспышка пандемии *COVID-19*, нарастание международной конфликтности и предпринятые в ответ на эти вызовы меры активной политики развитых и развивающихся государств.

Реагируя на происходящие изменения, компании трансформируют ГЦСС, в том числе меняют их географию и организацию таким образом, чтобы обеспечить устойчивость и долговечность [5, 11]. За трансформацией ГЦСС стоят многонациональные компании, которые, по определению, формируют 100% потоков ПИИ [1], определяют свыше половины мирового экспорта, почти треть мирового ВВП и около четверти рабочих мест [ист. 2]. За несколько минувших десятилетий темпы роста валового выпуска зарубежных филиалов МНК увеличивались быстрее, чем темпы роста мирового ВВП, а продажи зарубежных филиалов – быстрее, чем глобальный экспорт (рис. 1). Соответственно, наблюдение и измерение активности МНК служит ценным инструментом в диагностике направлений развития мировой экономики.

Анализ структурных изменений в ПИИ – традиционном показателе активности МНК [12] – позволяет обсуждать маневрирование глобальной экономики и отдельных стран в координатах

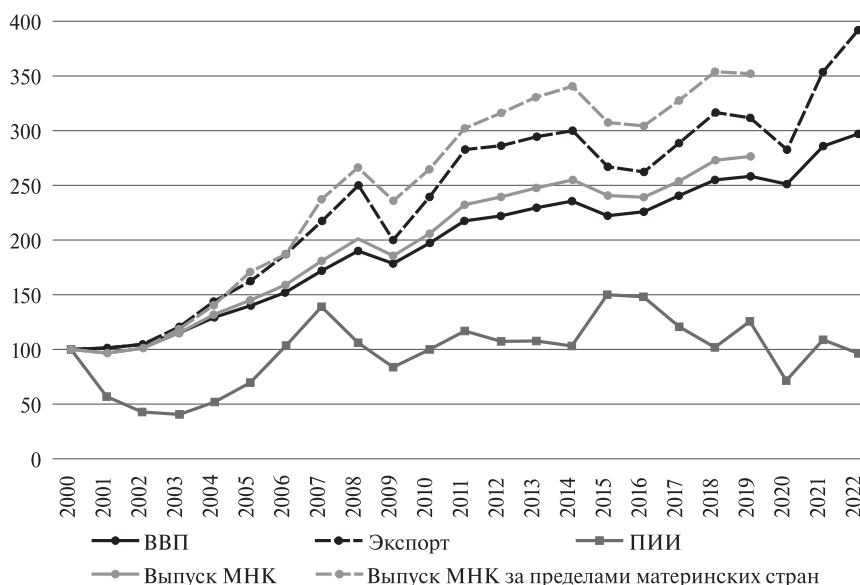

Рис. 1. Темпы роста мировых ВВП, объема экспорта, исходящих потоков ПИИ, выпуска МНК в целом и за пределами стран-метрополий, 2000–2022 гг., % (2000 г. = 100%)

Рассчитано по данным: [ист-ки 3–5].

глобализация/деглобализация и индустриализация/деиндустриализация (см., например: [13, 14]). Исследование структуры исходящих ПИИ дает возможность определить расширение офшоринга производственных процессов МНК [15]. Однако происходящие в мировой экономике изменения ограничивают пригодность и полезность анализа ПИИ для оценки активности МНК. Развитие цифровых технологий привело к тому, что МНК часто распространяются без осуществления капитальных инвестиций посредством новых бизнес-моделей, основанных на цифровом (виртуальном) присутствии [16], поведение и прибыльность зарубежных филиалов определяются не только капитальными инвестициями и стандартными факторами гравитационной модели, но и наличием у компании нематериальных активов, которые сложно измерить [17, 18]. Наконец использование данных о ПИИ бесполезно в случае, если МНК осуществляет рещоринг, популярность которого существенно выросла в последние годы [19].

Цель статьи – обсудить возможности оценки той активности МНК, которую часто принято считать ненаблюдаемой, а также представить структурные особенности деятельности МНК в принимающих экономиках. Исследование опирается на базу данных *AAMNE OECD*, которая, как представляется, обладает большим потенциалом для получения значимых результатов,

однако до сих пор крайне редко привлекает интерес экспертов. Эти результаты дополняют более ранние свидетельства о специфике деятельности МНК, собранные с использованием опросов компаний и специализированных данных [20], в частности, в отношении рещоринга в страны-метрополии или в соседние государства [21].

ИЗМЕНЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ МНК И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ОЦЕНИВАНИЯ

В ответ на меняющиеся условия мировой экономики МНК существенно перестраивают структуру регионального присутствия и роль своих зарубежных подразделений, а также структуру управления, стратегии координации и интеграции отдельных подразделений, что привлекает все больше внимания со стороны исследователей [22, 23, 24]. Особенности учета статистики о ПИИ, а также повышение сложности организации и деятельности МНК делают использование данных о ПИИ одним из полезных, однако недостаточных источников информации о МНК и структурных сдвигах в глобальном производстве и отдельных национальных экономиках [25, 26]. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, использование данных о потоках ПИИ может приводить к смещенным оценкам вследствие многократного счета, поскольку ино-

странные инвестиции часто проходят через офшоры и “перевалочные пункты” [27]. Проводя финансовые ресурсы через “налоговые гавани”, МНК вовсе не преследуют целей производства и продажи товаров или услуг [28]. В глоссарий даже вошел особый термин “предприятия специального назначения” (*special purpose entities*), то есть филиалы МНК с низкой долей нефинансовых активов в совокупных активах и компактным штатом сотрудников [29]. Понимая эту проблему, эксперты недавно начали исключать такие предприятия из статистики ПИИ [30].

Во-вторых, использование этих данных не позволяет учитывать привлечение МНК внутренних инвестиций в принимающей экономике, которые затем формируют добавленную стоимость, но при этом никоим образом не фигурируют в статистике ПИИ [28]. Кроме того, ПИИ отражают лишь финансовый вклад инвестора, а, например, человеческий капитал, который может играть решающую роль в экономической успешности филиала, остается за рамками наблюдения [31]. Наконец, официальная статистика ПИИ охватывает не только фирмы, но и инвесторов — физических лиц, хотя их доля в сравнении с институциональными инвесторами незначительна [27].

В качестве иллюстрации отмеченных выше факторов можно использовать эмпирические результаты, которые показывают, что ориентация на показатели накопленных ПИИ ведет к переоценке масштаба деятельности МНК в странах с наличием статуса “налоговой гавани”, а также к его недооценке в странах с развитыми рынками капитала, волатильным обменным курсом и высокой производительностью труда в дочерних подразделениях [28].

Ответом на сложности оценки деятельности МНК стало появление специальных баз данных. Среди них можно выделить следующие: 1) *Multinational Enterprise Information Platform* — разработана ОЭСР совместно со Статистическим отделом ООН, содержит глобальные реестры физических и виртуальных (сайты в сети Интернет) филиалов 500 крупнейших МНК [32]; 2) *Full International and Global Accounts for Research in Input–Output Analysis (FIGARO)* — ресурс Еврокомиссии, агрегирующий сведения о генерируемой занятости, добавленной стоимости и эмиссии углекислого газа от экспортной деятельности европейских стран как внутри самого ЕС, так и на территориях основных торговых

партнеров [33]; 3) *Analytical Activity of Multinational Enterprises (AAMNE)* — разработана ОЭСР, позволяет дезагрегировать статистику международной торговли, учитывая деятельность отечественных и иностранных МНК на территории страны [33].

AAMNE является, пожалуй, самой полной базой данных о международной активности МНК на текущий момент, однако ее использование в эмпирических исследованиях все еще ограничено и представлено преимущественно в препринтах [34, 35, 36, 37]. Методологически база опирается на межотраслевые таблицы затраты–выпуск (*OECD Inter-Country Input–Output Tables*) с выделением национальной принадлежности компаний, участвующих в производстве товаров и услуг. Пороговым критерием для определения МНК служит 50%-я доля иностранной собственности, которая в свою очередь подразделяется на домашнюю и зарубежную с учетом страновой принадлежности рынка оперирования. В этом плане критерии идентификации МНК по данным ПИИ более лояльные (иностранная доля в акционерном капитале не менее 10%). Предприятия в базе *AAMNE* с менее чем 50%-й иностранной собственностью отнесены к внутренним фирмам-неМНК. Версия базы *AAMNE*, опубликованная в 2023 г., позволяет анализировать особенности деятельности МНК в 76 странах по 41 виду экономической деятельности в период с 2000 по 2019 г. [ист. 3], что делает ее пригодной для целей настоящего исследования.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВКЛАДА МНК В ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Страновая структура выпуска МНК в существенной степени концентрирована — МНК из пяти стран (США, Германии, Франции, Японии и Китая) производят свыше половины валового выпуска всех многонациональных компаний (рис. 2). При этом если совокупная доля стран-лидеров за рассматриваемый период несущественно сократилась, то внутри нее произошли значимые изменения — в 4 раза вырос вклад китайских МНК (с 4% в 2000 г. до 19% к 2018 г.), в два раза сократился вклад японских МНК (с 14 до 6%), снизился вклад американских МНК (с 30 до 22%). Среди других стран, МНК которых наращивали вклад в глобальное производство, можно выделить Казахстан, Вьетнам, Нигерию, хотя их доля в валовом выпуске по-прежнему мала (0.3–0.5% в 2019 г.).

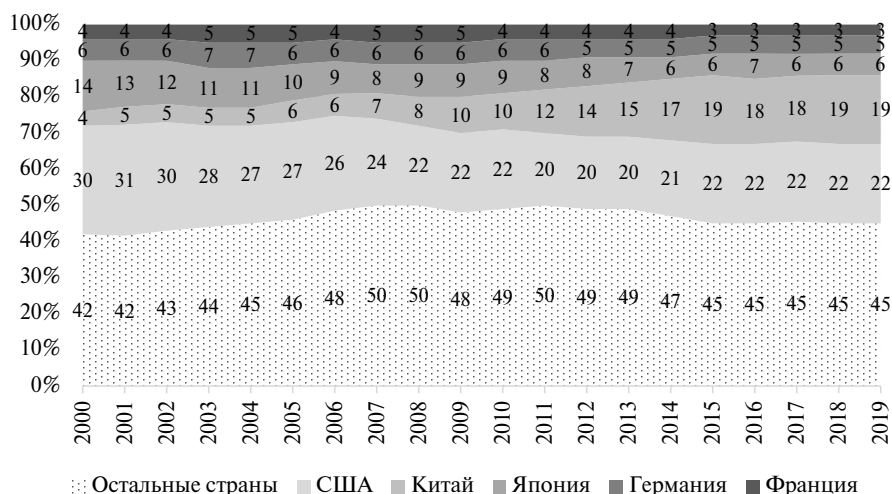

Рис. 2. Доля в совокупном выпуске МНК по материнским странам, 2000–2019 гг., %
 Рассчитано по данным: [ист. 3].

Всего по данным 2019 г. вклад трех стран с крупнейшей долей МНК в валовом выпуске (США, Китая и Японии) составляет почти половину глобального (47%), в то время как вклад накопленных исходящих ПИИ [ист. 4] из этих стран не превышает и трети глобальных инвестиций. Это наблюдение, основанное на данных о потоках ПИИ, еще раз подчеркивает существенную смещенность вклада МНК отдельных стран в глобальное производство. В рамках дальнейшего анализа мы сосредоточимся на МНК из пяти стран (США, Китая, Японии, Германии и Франции), которые в совокупности суммарно были лидерами по объему выпуска внутри соответствующих стран и за их пределами на протяжении всего наблюдаемого периода.

Доля зарубежного производства в выпуске МНК (то есть офшоринг) росла вплоть до мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., а затем замерла на уровне примерно 15%. Это наблюдение довольно хорошо сочетается с другими свидетельствами о замораживании или замедлении глобализации с 2010 г. [38, 39].

Из рассматриваемой пятерки стран – лидеров по вкладу МНК только в США после 2015 г. стали наблюдаться признаки сокращения вклада зарубежного производства в выпуск МНК (то есть решоринга). Поразительную синхронность в накоплении иностранного выпуска продемонстрировали МНК из Франции и Германии. При этом ключевым зарубежным рынком для обеих стран были США, и лишь с отставанием – Китай и страны ЕС. Филиалы немец-

ких и французских МНК на территории Китая в 2015–2019 гг. выпустили продукции меньше по сравнению с 2010–2014 гг.

В отношении экономического поведения МНК из Китая сложно сформулировать выраженный тренд. Доля зарубежных филиалов в валовом выпуске китайских МНК на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась на одном уровне – около 5–6%. В научной литературе уделено большое внимание специфике рыночного поведения МНК из развивающихся экономик [40, 41], для которых характерно сочетание развития на национальном и зарубежном рынках, при этом отмечается, что крупный отечественный рынок в ряде случаев является приоритетным. Это подтверждается данными *UNCTAD*, согласно которым стоимость активов 100 крупнейших мировых МНК нефинансового профиля за пределами домашних экономик в 2021 г. превышала стоимость активов, размещенных внутри стран – локаций штаб-квартир, в то время как 100 крупнейших МНК из развивающихся рынков внутри домашних экономик имели активов в два с лишним раза больше, чем за рубежом [ист. 6, р. 51].

В отраслевом разрезе мировая структура выпуска МНК оказалась максимально устойчивой (за 20 лет волатильность отдельно взятых индустрий не выходила за рамки нескольких процентов). На обрабатывающую промышленность пришлось 28–29% совокупного выпуска МНК; 9–10% – оптовая, розничная торговля и ремонт автотранспортных средств; по 6–7% – строительство и деятельность в сфере недвижимости.

Вклад МНК в выпуск обрабатывающих отраслей и его динамика существенно различаются по странам. Прежде всего следует отметить, что расширение выпуска обрабатывающих отраслей в Китае и рост их конкурентоспособности на международных рынках [42] тесно сопровождалось ростом китайских МНК в этом секторе. Это подтверждает четырехкратное наращивание их вклада в выпуск всех МНК в рамках обрабатывающей промышленности – с 7% в 2000–2004 гг. до 28% в 2015–2019 гг. Вклад МНК в выпуск этих отраслей в остальных рассматриваемых странах сокращался, что особенно выражено в США – с 23% в 2000–2004 гг. до 14% в 2015–2019 гг. и Японии – с 15 до 8% в эти же периоды, в мень-

шей степени – в Германии и Франции. Складывается впечатление, что очередная волна роста промышленного комплекса в развитых странах после довольно длительного периода сервисизации и деиндустриализации экономик [43] не была поддержана их домашними МНК (табл. 1).

Полученные оценки позволяют выделить модели поведения МНК и их вклада в домашние экономики для пяти крупнейших домашних стран размещения МНК (рис. 3). Первая характерна для Китая – ее можно назвать промышленной экспансией МНК за счет внутреннего рынка. Действительно, в рассматриваемом периоде МНК из Китая существенно (в 4 раза) нарастили вклад в выпуск обрабатывающих от-

Таблица 1. Доля МНК из Китая, США, Японии, Германии, Франции и прочих стран в совокупном выпуске всех МНК в обрабатывающей промышленности, 2000–2019 гг., %

	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
США	23	19	15	14
Китай	7	12	21	28
Япония	15	12	9	8
Германия	8	7	6	6
Франция	4	4	3	3
Остальные страны	44	46	45	42

Рассчитано по данным: [ист. 3].

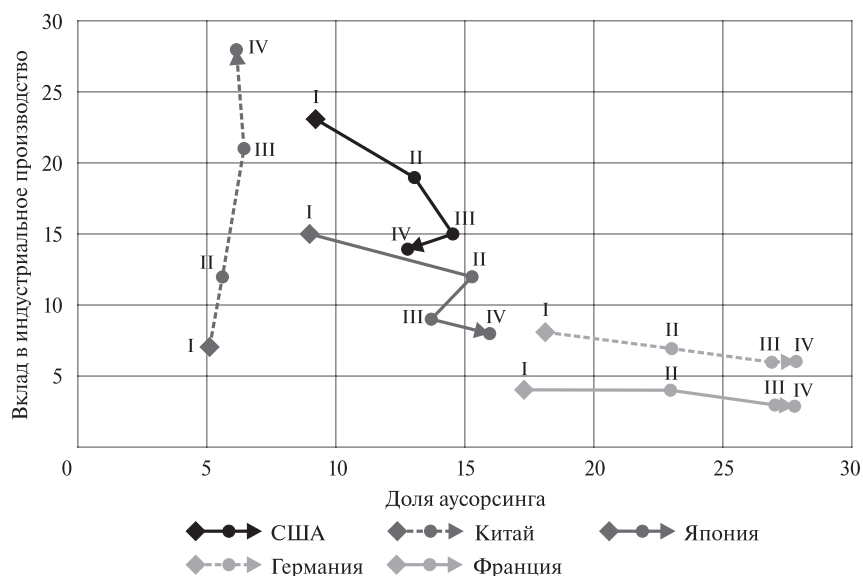

Рис. 3. Вклад в промышленное производство – доля МНК из Китая, США, Японии, Германии и Франции в совокупном выпуске всех МНК в обрабатывающей промышленности, %

Примечание. I – 2000–2004 гг.; II – 2005–2009 гг.; III – 2010–2014 гг.; IV – 2015–2019 гг.

Рассчитано по данным: [ист. 3].

раслей, при этом доля офшоринга осталась на низком уровне и не изменилась. Вторая характерна для Германии и Франции – назовем ее моделью децентрализации. МНК выносили производство за пределы домашних экономик, при этом их вклад в выпуск обрабатывающих отраслей несущественно сократился. Наконец третья характерна для США и Японии – это модель реструктуризации, а именно сокращение вклада МНК в выпуск обрабатывающих отраслей и одновременное увеличение офшоринга в выпуске самих МНК.

Выделенные модели поведения МНК и их участия в домашних экономиках важно дополнить двумя наблюдениями. Во-первых, хотя МНК из Германии, Франции, Японии и США обеспечивают почти 40% мирового выпуска МНК и в последние два десятилетия наращивали долю офшоринга в отраслях обрабатывающей промышленности, в целом мировой выпуск этих отраслей не стал более распределенным. Почти во всех отраслях обрабатывающей промышленности доля офшоринга в выпуске МНК осталась неизменной или немного выросла (табл. 2). Доля офшоринга существенна и в рассматрива-

емом периоде еще выросла в производстве автотранспортных средств, а также компьютерной, электронной и оптической продукции. Это традиционные отрасли, в которых в последние десятилетия наблюдалось распространение ГЦСС [44, 45, 46]. Во-вторых, хотя китайские МНК, согласно нашим результатам, не продемонстрировали расширение офшоринга выпуска (в относительном выражении), их рост оказался заметен на большом числе зарубежных рынков, где они заняли лидирующие позиции среди МНК других стран (табл. 3).

Если в начале 2000-х китайские МНК лидировали по объему выпуска в Южной Корее, России и Тайване, то в 2015–2019 гг. они опередили японские МНК в 16 странах, преимущественно Азии и Африки, а также американские МНК из пяти стран, включая “остальные страны” и Швецию. Немецкие корпорации потеснили американские в четырех европейских странах, в том числе в Дании, МНК из США за 20 лет смогли опередить конкурентов лишь в Таиланде. И, пожалуй, самый главный и поразительный вывод заключается в полной потере доминирующего экономического влияния японскими

Таблица 2. Доля офшоринга в выпуске МНК по отраслям обрабатывающей промышленности, 2000–2019 гг., %

Отрасль	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
Пищевые продукты, напитки и табак	18	20	20	19
Текстиль, одежда, кожа и сопутствующие товары	12	15	16	15
Древесина, изделия из нее и пробки	10	12	12	11
Бумажная продукция и полиграфия	18	21	21	21
Кокс и нефтепродукты	20	22	22	20
Химикаты и химическая продукция	31	37	38	37
Фармацевтические препараты, лекарственные химические и растительные продукты	49	53	53	50
Резиновые и пластмассовые изделия	24	28	28	26
Прочие неметаллические минеральные изделия	23	24	21	19
Основные металлы	16	19	17	16
Металлические изделия	13	16	16	16
Компьютерная, электронная и оптическая продукция	33	42	48	47
Электрооборудование	24	31	30	29
Машины и оборудование	22	27	27	26
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы	37	42	47	49
Прочее транспортное оборудование	19	23	23	22
Прочее производство; ремонт и монтаж машин и оборудования	16	19	20	22

Рассчитано по данным: [ист. 3].

Таблица 3. Количество стран, в которых МНК из Китая, США, Японии, Германии и Франции имели наибольший выпуск (по сравнению друг с другом)

	США	Китай	Япония	Германия	Франция
2000–2004	34	3	17	12	6
2015–2019	25	25	0	18	4

Примечание. В выборку попали 72 страны и объединение “остальные страны”; Китай, США, Япония, Германия и Франция были исключены из выборки.

МНК (опять же в сравнении с другими четырьмя странами).

Хотя в расчетах игнорировался размер рынков, а китайские МНК захватили по большей части относительно небольшие развивающиеся экономики, их успех все равно примечателен. Он не в последнюю очередь связан с эффектом “соседства”, когда, например, китайские корпорации освоили рынки других азиатских стран, в том числе благодаря их культурной схожести, удобству логистики, наличию диаспоры и более низкому технологическому уровню [47]. Такой же набор факторов сыграл важную роль и для индийских, бразильских и других южноамериканских МНК. Вместе с тем стратегии экспансии на развитых и развивающихся рынках существенно различаются – бизнес-модели, доказавшие свою успешность на одном из развитых рынков, с высокой долей вероятности легко адаптируются и на других, в то время как отдельные развивающиеся рынки (или как минимум их региональные группы) требуют серьезной калибровки бизнес-процессов [48]. Таким образом, экспансия китайских МНК на неазиатские рынки может натолкнуться на барьеры, лежащие вне экономической плоскости.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Деятельность многонациональных компаний меняет характер и формы, отвечая на современные глобальные вызовы. Для адекватного описания и более точного объяснения происходящих в глобальном производстве структурных сдвигов требуются новые источники данных и альтернативные способы их оценивания.

В статье мы использовали базу данных *AAMNE OECD*, позволяющую проанализировать сдвиги в структуре участия МНК в глобальном производстве. Полученные результаты позволяют подтвердить имеющиеся наблюдения о том, что использование данных о потоках ПИИ недостаточно для того, чтобы представить ком-

плексную оценку участия МНК в современном глобальном производстве. Использование данных о выпуске МНК позволяет также под другим углом посмотреть на распространение глобальных цепочек создания стоимости и подтвердить стандартное наблюдение о том, что наиболее активно их формирование в последние два десятилетия происходило в автомобилестроении и производстве компьютеров и электроники. Мы также получаем оценки масштабов решоринга производств в США, что стало заметным на данных после 2015 г. Это согласуется с комплексом мер, предпринятых американскими властями для того, чтобы вернуть мощности МНК со штаб-квартирами в США из зон производственного офшоринга [19].

Вместе с тем полученные результаты позволяют определить некоторые существенные структурные сдвиги в международной активности МНК, которые не видны на основе данных о структуре ПИИ. Мы получили, что в структуре выпуска китайских МНК в последние два десятилетия не росла доля зарубежной активности. Однако вместе с этим мы наблюдаем существенное расширение присутствия китайских МНК на большом числе зарубежных рынков. Это показывает, что китайские МНК, сохраняя относительно небольшую долю офшоринга, интенсивно росли как на внутреннем, так и внешних рынках, наращивая вклад в выпуск обрабатывающего комплекса. По-видимому, это стало результатом действия сразу множества факторов. В рамках исследуемого периода кардинально менялось отношение властей Китая к исходящим ПИИ: от провозглашения лозунга “Идти вовне” в начале 2000-х годов до ужесточения контроля над ПИИ, смещения фокуса инвестирования с развитых рынков на развивающиеся страны преимущественно Азии и Африки в середине 2010-х годов [49]. Проведенные расчеты продемонстрировали успешность такой стратегии – китайские МНК стали доминировать на азиатских рынках и укрепили свои позиции в других регионах, не утратив

устойчивости благодаря сохранению ключевых производственных процессов внутри страны.

Рассмотренный пример анализа роли китайских МНК в домашнем и глобальном производстве демонстрирует, что использование данных о вкладе МНК в валовой выпуск помогает лучше понимать организацию их деятельности. Для

перспективных исследований это крайне важно, поскольку позволяет, например, анализировать влияние промышленной политики и отдельных ее инструментов на поведение домашних и иностранных многонациональных компаний, в том числе стимулы для расширения их производства внутри страны и за ее пределами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ahn J., Park J.-H. Contracting with Enemies? Vertical FDI with Outsourcing Contracts. *International Economic Journal*, 2023, vol. 37, iss. 3, pp. 359-386. Available at: <https://doi.org/10.1080/10168737.2023.2242844>
2. Witt M.A., Li P.P., Välikangas L., Lewin A.Y. De-globalization and Decoupling: Game Changing Consequences? *Management and Organization Review*, 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 6-15. Available at: <https://doi.org/10.1017/mor.2021.9>
3. Walter S. The Backlash against Globalization. *Annual Review of Political Science*, 2021, vol. 24, pp. 421-442. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102405>
4. Farrell H., Newman A.L. Chained to Globalization. *Foreign Affairs*, 2020, vol. 99, no. 1, pp. 70-80.
5. Gereffi G., Lim H.C., Lee J. Trade Policies, Firm Strategies, and Adaptive Reconfigurations of Global Value Chains. *Journal of International Business Policy*, 2021, vol. 4, pp. 506-522. Available at: <https://doi.org/10.1057/s42214-021-00102-z>
6. Gong H., Hassink R., Foster C., Hess M., Garretsen H. Globalisation in Reverse? Reconfiguring the Geographies of Value Chains and Production Networks. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2022, vol. 15, iss. 2, pp. 165-181. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsac012>
7. Балацкий Е.В. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения. *Terra Economicus*, 2018, т. 16, № 1, сс. 37-55.
Balatsky E.V. The Arrighi's Concept of Capital Accumulation Cycles and Its Applications. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 37-55. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55>
8. Синцеров Л.М. Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2022, т. 85, № 6, сс. 819-827.
Sintserov L.M. Transformation of the Role of Multinational Corporations in the Global Economy and Shifts in the Geography of Foreign Direct Investment. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2022, vol. 85, no. 6, pp. 819-827. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.31857/S2587556621060121>
9. James H. Deglobalization: The Rise of Disembedded Unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*, 2018, vol. 10, pp. 219-237. Available at: <https://doi.org/10.1146/annurev-financial-110217-022625>
10. Kornprobst M., Paul T.V. Globalization, Deglobalization and the Liberal International Order. *International Affairs*, 2021, vol. 97, iss. 5, pp. 1305-1316. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iiab120>
11. Martina R., Tylerb P., Storperc M., Evenhuisd E., Glasmeiere A. Globalization at a Critical Conjuncture? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, iss. 11, pp. 3-16. Available at: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsy002>
12. Paul J., Feliciano-Cestero M.M. Five Decades of Research on Foreign Direct Investment by MNEs: An Overview and Research Agenda. *Journal of Business Research*, 2021, vol. 124, pp. 800-812. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.04.017>
13. Alderson A.S. Globalization and Deindustrialization: Direct Investment and the Decline of Manufacturing Employment in 17 OECD Nations. *Journal of World-Systems Research*, 1997, vol. 3, iss. 1, pp. 1-34. Available at: <https://doi.org/10.5195/jwsr.1997.119>
14. Vu K., Haraguchi N., Amann J. Deindustrialization in Developed Countries amid Accelerated Globalization: Patterns, Influencers, and Policy Insights. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2021, vol. 59, pp. 454-469. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2021.09.013>
15. Harrison A., McMillan M. Offshoring Jobs? Multinationals and US Manufacturing Employment. *Review of Economics and Statistics*, 2011, vol. 93, no. 3, pp. 857-875. Available at: https://doi.org/10.1162/REST_a_00085
16. Blázquez L., Díaz-Mora C., González-Díaz B. Slowbalisation or a "New" Type of GVC Participation? The Role of Digital Services. *Journal of Industrial and Business Economics*, 2023, vol. 50, no. 1, pp. 121-147. Available at: <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00245-x>
17. Contractor F., Yang Y., Gaur A.S. Firm-specific Intangible Assets and Subsidiary Profitability: The Moderating Role of Distance, Ownership Strategy and Subsidiary Experience. *Journal of World Business*, 2016, vol. 51, iss. 6, pp. 950-964. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2016.09.002>

18. Verbeke A., Hutzschenreuter T. The Dark Side of Digital Globalization. *Academy of Management Perspectives*, 2021, vol. 35, no. 4, pp. 606-621. Available at: <https://doi.org/10.5465/amp.2020.0015>
19. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Юревич М.А. Решоринг или офшоринг: как меняется мировое производство в глобальных цепочках стоимости. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 10, сс. 71-81.
Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Yurevich M.A. Reshoring or Offshoring: How Global Production Is Changing in Global Value Chains. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 10, pp. 71-81. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-10-71-81>
20. Волгина Н. Решоринг в США: особенности и перспективы. *Современная мировая экономика*, 2023, т. 1, № 4, сс. 6-26.
Volgina N. Reshoring in the United States: Features and Prospects. *Contemporary World Economy*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 6-26. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-4-6-26>
21. Lábaj M., Majzlíková E. How Nearshoring Reshapes Global Deindustrialization. *Economics Letters*, 2023, no. 230, 111239. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111239>
22. Ngoasong M.Z., Wang J., Amdam R.P., Bjarnar O. The Role of MNE Subsidiaries in the Practice of Global Business Models in Transforming Economies. *Management and Organization Review*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 254-281. Available at: <https://doi.org/10.1017/mor.2020.55>
23. Kostova T., Marano V., Tallman S. Headquarters—subsidiary Relationships in MNCs: Fifty Years of Evolving Research. *Journal of World Business*, 2016, vol. 51, iss. 1, pp. 176-184. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2015.09.003>
24. Lunnan R., Tomassen S., Andersson U., Benito G.R. Dealing with Headquarters in the Multinational Corporation: A Subsidiary Perspective on Organizing Costs. *Journal of Organization Design*, 2019, vol. 8, art. 12. Available at: <https://doi.org/10.1186/s41469-019-0052-y>
25. Wacker K.M. (When) Should We Use Foreign Direct Investment Data to Measure the Activities of Multinational Corporations? *Theory and Evidence. Review of International Economics*, 2016, vol. 24, no. 5, pp. 980-999. Available at: <https://doi.org/10.1111/roie.12244>
26. Ergen T., Kohl S., Braun B. Firm Foundations: The Statistical Footprint of Multinational Corporations as a Problem for Political Economy. *Competition & Change*, 2023, vol. 27, no. 1, pp. 44-73. Available at: <https://doi.org/10.1177/10245294221093>
27. Кузнецов А.В. Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций. *Балтийский регион*, 2016, т. 8, № 3, сс. 30-44.
Kuznetsov A.V. Framework for the Analysis of Geography of Transnational Corporations Investments Abroad. *Baltic Region*, 2016, vol. 8, no. 3, pp. 30-44. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-3-2>
28. Beugelsdijk S., Hennart J.F., Slangen A., Smeets R. Why and How FDI Stocks Are a Biased Measure of MNE Affiliate Activity. *Journal of International Business Studies*, 2010, no. 41, pp. 1444-1459. Available at: <https://doi.org/10.1057/jibs.2010.29>
29. Blanchard O., Acalin J. *What Does Measured FDI Actually Measure? Policy Brief*. Washington, Peterson Institute for International Economics, 2016, no. 17, pp. 1-7.
30. Bolwijn R., Casella B., Rigo D. An FDI-driven Approach to Measuring the Scale and Economic Impact of BEPS. *Transnational Corporations Journal*, 2018, vol. 25, iss. 2, pp. 107-143. Available at: <https://doi.org/10.18356/c4f9fd3c-en>
31. Cadestin C., De Backer K., Desnoyers-James I., Miroudot S., Rigo D., Ye M. Multinational Enterprises and Global Value Chains: the OECD Analytical AMNE Database. *OECD Trade Policy Papers*, 2018, no. 211, pp. 1-28. Available at: <http://doi.org/10.1787/d9de288d-en>
32. Pilgrim G., Ang S. The OECD-UNSD Multinational Enterprise Information Platform. *OECD Statistics Working Papers*, 2024, no. 2024/01, pp. 1-45. Available at: <https://doi.org/10.1787/18152031>
33. Almazán-Gómez M.Á., Llano C., Pérez J., Mandras G. The European Regions in the Global Value Chains: New Results with New Data. *Papers in Regional Science*, 2023, vol. 102, iss. 6, pp. 1097-1126. Available at: <https://doi.org/10.1111/pirs.12760>
34. Li H. Multinational Production and Global Shock Propagation during the Great Recession. *CESifo Working Paper*, 2023, no. 10349. 89 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4410251>
35. Mo Jiawei. Quantifying Network Advantage: An Application to Global Trade Networks. *SSRN Working Paper*, 2023. 45 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4223142>
36. Arriola C., Cadestin C., Kowalski P., Guilhoto J.J.M., Miroudot S., van Tongeren F. Challenges to International Trade and the Global Economy: Recovery from COVID-19 and Russia's War of Aggression against Ukraine. *SSRN Working Paper*, 2023. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/challenges-to-international-trade-and-the-global-economy_5c561274-en.html (accessed 28.10.2024).
37. Miroudot S., Ye M. Multinational Production in Value-added Terms. *Economic Systems Research*, 2020, vol. 32, iss. 3, pp. 395-412. Available at: <https://doi.org/10.1080/09535314.2019.1701997>

38. Olivé I., Gracia M. Is This the End of Globalization (As We Know It)? *Globalizations*, 2020, vol. 17, iss. 6, pp. 990-1007. Available at: <https://doi.org/10.1080/14747731.2020.1716923>
39. Kheyfets B., Chernova V. Globalization Dynamics in Times of Crisis. *Uncertain Supply Chain Management*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 887-896. Available at: <https://doi.org/10.5267/j.uscm.2020.5.004>
40. Panibratov A. *International Strategy of Emerging Market Firms: Absorbing Global Knowledge and Building Competitive Advantage*. London, Routledge, 2017. 434 p.
41. Li X., Quan R., Stoian M.C., Azar G. Do MNEs from Developed and Emerging Economies Differ in Their Location Choice of FDI? A 36-year Review. *International Business Review*, 2018, vol. 27, iss. 5, pp. 1089-1103. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2018.03.012>
42. Xie W., Xue T. FDI and Improvements in the Quality of Export Products in the Chinese Manufacturing Industry. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2020, vol. 56, iss. 13, pp. 3106-3116. Available at: <https://doi.org/10.1080/1540496X.2019.1609936>
43. Ancarani A., Mauro C.D., Virtanen Y., You W. From China to the West: Why Manufacturing Locates in Developed Countries. *International Journal of Production Research*, 2021, vol. 59, iss. 5, pp. 1435-1449. Available at: <https://doi.org/10.1080/00207543.2020.1824083>
44. Gereffi G., Lim H.C., Lee J. Trade Policies, Firm Strategies, and Adaptive Reconfigurations of Global Value Chains. *Journal of International Business Policy*, 2021, vol. 4, pp. 506-522. Available at: <https://doi.org/10.1057/s42214-021-00102-z>
45. Sturgeon T., van Biesebroeck J., Gereffi G. Value Chains, Networks and Clusters: Reframing the Global Automotive Industry. *Journal of Economic Geography*, 2008, vol. 8, iss. 3, pp. 297-321. Available at: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbn007>
46. May O.S., Abdullah N.A.H.N. Offshoring Drivers and Implementation: A Study of Semiconductor, Pharmaceutical and Automotive Industry. Ahmad M.Z., Azman N.A., May O.S., Omar A., Norman M.A.R., eds. *Sustaining Global Strategic Partnership in the Age of Uncertainties*, 2020, vol. 5, no. 6, pp. 208-223. Available at: <http://sois.uum.edu.my/images/ICIS/2020%20ICIS%20.pdf> (accessed 15.04.2024).
47. Кузнецов А.В. Транснациональные корпорации стран БРИКС. *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 3, сс. 3-11.
Kuznetsov A.V. Transnational Corporations of BRICS Countries. *World Economy and International Relations*, 2012, no. 3, pp. 3-11. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-3-3-11>
48. Березной А. ТНК на развивающихся рынках: в поисках успешной бизнес-модели. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 10, сс. 5-17.
Bereznoy A. Transnational Corporations in Emerging Markets: in Search of Successful Business Model. *World Economy and International Relations*, 2014, no. 10, pp. 5-17. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-10-5-17>
49. Ramamurti R., Hillemann J. What “Chinese” about Chinese Multinationals? *Journal of International Business Studies*, 2018, no. 49, pp. 34-48. Available at: <https://doi.org/10.1057/s41267-017-0128-2>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains*. Washington, World Bank, 2020. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (accessed 15.04.2024).
2. *Multinational Enterprises in the Global Economy: Heavily Discussed, Hardly Measured*. CEPR, 25.09.2019. Available at: <https://cepr.org/voxeu/columns/multinational-enterprises-global-economy-heavily-discussed-hardly-measured> (accessed 15.04.2024).
3. *The Analytical AMNE Database – Multinational Enterprises and Global Value Chains*. Paris, OECD. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/analytical-amne-database.htm> (accessed 15.04.2024).
4. *Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual*. Geneva, UNCTAD. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock> (accessed 15.04.2024).
5. *The World Bank Data*. Washington, World Bank. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 15.04.2024).
6. *World Investment Report 2023*. Geneva, UNCTAD, 2023. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (accessed 15.04.2024).